Куба – любовь моя. Глава вторая. Знакомство

В октябре, ноябре и декабре мы публикуем в нескольких частях воспоминания инженер-геолога Николая Афанасьевича Самуся о его работе на Кубе 1980-х годах. В этих воспоминаниях много личного, не связанного с профессией. Ведь специалистов тогда приглашали не на один месяц, с собой разрешали перевозить всю семью. Поэтому предлагаемый рассказ интересен скорее с точки зрения истории. Но и для профессионалов найдутся полезные главы, рассказывающие об особенностях работы российских инженер-геологов за рубежом.

Николай Афанасьевич Самусь
ООО «ГеоСИМ»

По заведённому обычаю новичков временно, а одиноких – на постоянной основе селили на первых этажах жилых домов, пока не освободится квартира повыше. При этом холостяки, и мужчины, и женщины, никогда не вселялись по одному, только «общежитием». Посёлок советских специалистов Флорес (в Гаване, кроме Флореса, их было несколько: Наутико, Коронелла, Аламар, некоторые специалисты постоянно жили в гостинице Фокс) был застроен типовыми 5-этажными домами. Нам поначалу досталась трёхкомнатная квартира на первом этаже в одном из домов «Эспосос» (супруги), прозванных кубинцами за то, что стояли входами навстречу друг другу, а не «в затылок» (рис. 2). Здесь на первом этаже мы прожили до марта следующего года, затем переселились на третий этаж в соседнем ряду

домов (С-3), тоже в 3-комнатную квартиру площадью 65 м^2 – больше, чем осталась у нас в Союзе (рис. 3). Что нас удивило – в окнах квартир не было стёкол. Только деревянные жалюзи и противомоскитная сетка: квартира должна круглый год продуваться, поскольку главная проблема здесь не холод, а жара. Занимался нашим расселением Рафаэль Эспиноса – сподвижник Эрнесто че Гевары по второй революционной колонне (первой руководил сам Фидель) при походе от Сантъяго де Куба на Гавану. По-русски он совершенно не говорил, а для нас испанский был как снег на голову, поэтому первое время объяснялись с ним жестами, но позже, когда мы освоили слова первой необходимости, проблем общения не стало, да и в целом проблем не было.

Рис. 1. Посёлок Аламар. Здесь жило много советских специалистов. У горизонта – Старая Гавана (открытка)

Перед входом в наш подъезд стояла будочка метровой высоты – кирпичный шкаф, в которой находился насос и качал воду из резервуара под будочкой в бочки на крыше дома, а оттуда она по трубам растекалась по квартирам. В резервуар вода подавалась из водохранилища. Не знаю, обрабатывалась она при этом или нет – мы её всегда кипятили. Надо сказать, что на Кубе пить сырую воду можно из любой лужи: никакой заразы там нет. Но проверять это на себе никто не хотел.

На работе нас встретили хорошо. Александра Сергеева и меня разместили в комнате, где уже сидели Володя Птицын – специалист по бурению из Киева, секретарша Женя из Москвы, переводчики Володя Павлюк из Москвы и Валера Остафий из Кишинёва. Ещё двое – главный геолог Виталий Иванович Мартин из Уфы и главный геофизик (он же был

председателем профкома) Валера Казарян из Минска – сидели в соседней комнате (рис. 4, 5).

Рис. 2. «Супруги». В первом подъезде дальнего здания виднеется наша дверь на первом этаже

Рис. 3. В среднем подъезде на 3-м этаже (против будочки) на нашем балконе дозревают бананы.

Володя Птицын, представившись, как секретарь партийной организации, ошарашил нас первым же вопросом: как мы приехали – по блату или по очереди? «Скажу прямо: я приехал по блату», – его ободряющие слова. Мы дружно доложили, что – по очереди. Немного помявшись, он спросил: Ну, а водку вы привезли? Мы ответили, что и водку, и чёрный хлеб, и селёдку – не только привезли, но и принесли с собой. Тут же все «дела» исчезли со столов, и мы начали «знакомиться». Заходили периодически разные кубинцы, им тоже наливали по маленькой. Я был настороже в связи с такой необычной откровенностью, позже я узнал, что Володя ничего не боялся, он знал, что дальше руководителя никакая информация всё равно не просочилась бы, а вместе они представляли единый «треугольник» (руководитель группы, секретарь парторганизации и председатель месткома профсоюза) с общей ответственностью. Через пару недель он как-то заявил: когда уеду – буду алкоголиком. К сожалению, эта беда коснулась не только его.

Рис. 4. Одно из торжественных собраний. Сидят: Г. Никитин, В. Казарян, А. Сергеев (в очках), перед Никитиным в оранжевой майке – В. Павлюк

Рис. 5. Слева направо: В. Птицын, В. Казарян, Людмила, А. Сергеев, Н. Сергеева

Забегая несколько вперёд, ещё несколько слов о Володе. В общем, хороший человек, писал неплохие стихи, некоторые из них я переписал из его тетради в свою:

Жизнь – словно зебра, в точности
На ней повторяет след
Радость полоской узкою
Среди полосок бед.
И если ярятся штормы,
Царапая паруса,
Помните, братья: за чёрною –
Белая полоса!

Любил он и афоризмы, например: «У каждого века бывает своё средневековье», «Любящее сердце прощает даже то, что будет, не любящее не прощает даже то, чего не было», и анекдоты: «За что сняли с работы Подгорного? – За дикцию. -??? – Да он слово «дублёнка» произносил с мягким «н»». Когда текучка допекала его, и он не находил, чем унять тоску, писал такие стихи:

Коль тяжело, и мысли лезут сдуру,
Иди, не сомневаясь, в «амбразуру».
Здесь взгляд ласкает моря гладь,
Бокал сербесы увлажняет душу,
И мысли, что недавно были «вспять»,

Текут спокойно… Ход их не нарушу…

(«Амбразура» - это советское название пивнушки на берегу Мексиканского залива в посёлке Наутико, где жили Птицыны, а сербеса cerveza – пиво в переводе с испанского).
Как сказал мне в 2015 году Валера Остафий, Володи больше нет с нами…

Рис. 6. Вид на «старую» Гавану от гостиницы Национаиль. Залив штормит в тихую ясную погоду

Рис. 7. 5-я авенида. Справа - башня нового советского посольства

Нас представили и руководству ЭНИИ (ENIA – Empressa nacional de investisiones aplikadas – национальное предприятие прикладных исследований министерства строительства Республики Куба) и представителю ЭСИМАКТа (типа нашего ГКЭС), познакомили и со специалистами, которые были нашими контрагентами с кубинской стороны. Директором ЭНИИ в то время был Нестор Кабрера Сантана, лет на пять постарше меня, мы уважительно между собой называли его Нестором Ивановичем. Заместителем его (вице-директор по продукции) был Леодегарио Реумель Родригес, или просто Реумель, главным геологом ЭНИИ был прекрасно говоривший по-русски выпускник Киевского университета Jose A. Ribas Hermelo, или просто Ривас, так как кубинцы используют только одно слово из длинного имени, не обязательно первое, а иногда – просто кличку. Например, был в Матансасе техник-геолог Гордо, и только через полгода мы узнали, что у него другое имя, а Гордо – просто кличка («толстый»). Моим контрагентом – геотехником была Maria Luisa Mena, или просто – Мария, я с ней за 3 года разговаривал 2 или 3 раза, да ещё один раз с руководителем геотехнической лаборатории – Педро Кабрера. Геотехникой я больше тяготился, но инженерной геологией занимался с удовольствием и постоянно.